

1

Самолет яростно неся по взлетно-посадочной полосе аэропорта Шаннон*, а с хмурого и плоского серого неба в стекло иллюминатора били капли дождя.

Полет выдался короткий, короче, чем я ожидала, и чувствовалось легкое разочарование. Как будто и не было нервняка перед вылетом.

С той самой секунды, когда утром дверь квартиры захлопнулась у меня за спиной, появилось стойкое ощущение чего-то недоброго — мысль, что нечто помешает добраться до цели: поезд отменят или пилот заболеет, если не хуже. И все время перелета через Ирландское море у меня над головой словно бы угрожающе раскачивался дамоклов меч.

Эту поездку я ждала целых три месяца.

Я проверила время на экране телефона. Всего-то третий час пополудни, а октябрьский день, и без того блеклый, уже посмурнел, укутанный жирными черными тучами. Мама предупреждала, что погода в Ирландии славится своей сыростью.

Себ и Лотти прилетели на несколько часов раньше, а значит, мне предстояла долгая поездка на такси в гордом одиночестве.

* Международный аэропорт Шаннон — одна из крупнейших воздушных гаваней Ирландии.

Впрочем, выбора особо не было. Люди моего сорта бизнес-классом от «Бритиш эйрвейз» не летают, не то что Рены.

Снаружи, дождавшись машины, я рассеянно поблагодарила водителя — пухлого мужчину с копной седых волос и в растянутой клетчатой рубашке, — когда он убрал чемодан в багажник и галантно распахнул передо мной дверцу.

Поначалу он еще пытался завязать разговор — неуклюже выведывая, чего это особа моего возраста делает на западном побережье Ирландии совсем одна, — но после пяти минут односложных ответов уловил наконец-то намек. Я с чистой совестью надела наушники и снова погрузилась в мысли.

Мы катили по узким и пустынным дорогам, мимо уютных на вид домиков, а в животе у меня от страха словно свивали кольца змеи. Я еще никогда не бывала за границей и каждый раз смущенно отказывалась от школьных поездок в Вербье* или, там, на Занзибар, потому что стоили они больше, чем мама зарабатывала за год. И это — с учетом моей стипендии и субсидий. Поэтому, когда очередным скучным субботним утром в одиннадцать часов у меня во «Входящих» появилось приглашение Лотти, я чуть не заорала от радости, словно Скрудж**, в открытое окно. Шанс провести осенние каникулы в ирландском родовом гнезде Ренов! От одной мысли, что у кого-то из знакомых есть родовое гнездо, я до сих пор насмешливо фыркала.

Еще до того, как я опозорилась на летнем балу, Лотти целую вечность распинаясь о потрясной вечеринке в честь Самайна (видимо, традиционный Хеллоуин казался ей чересчур прозаичным), и если это звучало претенциозно, то лишь потому, что так оно и было. Все, связанное с Шарлоттой Офелией

* Швейцарский горнолыжный курорт.

** Эбенизер Скрудж — главный герой повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе»; ростовщик и скряга, резко изменивший взгляды на жизнь после откровения в канун Рождества.

Рен, арт-звездой эксклюзивной академии Грейскоттс, непросительно претенциозно.

Впрочем, будоражила не сама вечеринка. Мне предоставили возможность исправиться. Вернуться в ближний круг и, что еще важнее, в Грейскоттс. Я словно увидела в темной комнате лучик света из-под двери.

Двенадцатое ноября.

Близилась дата слушания по делу о моем отстранении, и мысль о нем жгла мозги раскаленным клеймом. Она обрушивалась на меня со страшным скрежетом в те спокойные моменты перед окончательным пробуждением, когда еще несколько драгоценных секунд все кажется нормальным. Эта поездка стала для меня первым и, возможно, единственным шансом склонить чашу весов в свою пользу.

Я заставила себя вернуться в настоящее. Если честно, местный дождь впечатлял: сколько мы ехали среди пышных зеленых лугов, он не сдавался, а ритмичное скольжение дворников по лобовому стеклу убаюкивало. Я изнывала в предвкушении, но изнутри при этом меня грызла тупая боль. Она поселилась в животе с вечера летнего бала и больше не уходила. Впервые я увижу всех в сборе. Впервые увижу Себа после той роковой ночи...

— Черт! Че-е-ерт!

Остервенелая ругань водителя вклинилась в поток моих мыслей, а машина, заложив вираж, эпично вылетела на травянистую обочину и чуть не врезалась в приземистую кремниевую ограду. Меня кинуло вперед, и я впечаталась лбом в спинку сиденья. Сердце ушло в пятки. Сдернув наушники, я, чуть дыша, спросила:

— Эй... ч-что случилось? Мы... мы сбили кого-то?

Я глянула в зеркало заднего вида на лицо водителя. Он сильно жмурился и, сипя, хватался за сердце. Его кожа приобрела пугающе серый оттенок.

— Эй... эй! Что с вами?

Сквозь мерный скрип дворников я расслышала еще кое-что. Откуда-то сзади доносились тихие судорожные всхлипы. Кое-как отстегнув ремень безопасности, я обернулась. Мне было страшно смотреть, я боялась поднять голову и молилась, чтобы мы никого не сбили насмерть.

Где-то в метре за нами на траве скорчилась, уронив голову на руки, женщина. Ее силуэт четко выделялся на фоне сердитого неба. Длинные, потемневшие от дождя волосы падали на лицо и на черное траурное платье со стелющимся по земле подолом. Она промокла до нитки.

Я нашарила ручку дверцы, но та не открылась.

— Черт... Мы... мы что, сбили ее?

Женщина плакала и плакала. Всхлипы звучали то тише, то громче, и у меня разрывалось сердце. Теперь я слышала их так отчетливо, словно женщина сидела с нами в салоне машины. Я с трудом поборолa желание зажать уши.

— Как думаете, она не... пострадала? Может, осмотреть ее?

Я снова заставила себя обернуться. Женщина села — хороший знак. По ней нельзя было сказать, что она ранена: не хлестала кровь, не болтались сломанные конечности. Слава богу. Видимо, у нее просто шок.

И все же плач продолжался. Он звучал все громче: глухой, с неприятными скрежещущими нотками. И хотя с виду женщина была цела и невредима, по мрачным документалкам о работе аварийных служб, которые так любила мама, я помнила: бывают еще и внутренние повреждения. Нужно вызвать скорую.

Водитель молчал, сбивчиво дыша. Может, и он в шоке? Или... не дай бог, у него сердечный приступ? На пышущего здоровьем человека он не тянул. А если организм слабый, то... Господи. Внутри меня расправила темные крылья паника, и я полезла в рюкзак за телефоном. Кое-как разблокировала экран. Здесь вообще номер спасателей такой же? Я принялась набирать его

дрожащими пальцами, как никогда четко ощущая близость рока. Зашибись поездка началась.

Заглохший было двигатель внезапно ожил, и машина вылетела на дорогу. Взмагнула тормозами.

— Эй! — вскрикнула я, уронив телефон под ноги и наспех пристегнувшись. — Подождите. Давайте все-таки вернемся и осмотрим ту женщину. Вдруг она ранена? Плачет ведь...

Так-то мы вроде ни в кого не врезались. Сами вылетели с дороги, попытавшись ее объехать, но проверить было бы не лишним...

«Ну, ирония, — подумала я. — Сама облажалась, а теперь строю из себя гражданина года...»

Таксист прокашлялся.

— Что? — спросил он. — Ты о чем вообще? Это же так, пьянчужка старая.

Непринужденно-шутливое настроение испарилось. Он вдруг стал холодным, даже неприятным, и в его голосе звучала неуместная резкость.

— Она была расстроена, а не пьяна, — возразила я. — И осталась прямо за нами. Вы наверняка слышали ее плач.

— Фигню я слышал, — отрезал водитель.

Я круглыми глазами посмотрела на него в зеркало заднего вида, а он хмуро зыркнул в ответ, как бы подначивая: ну, мол, говори дальше, чего замолчала? Он несся по магистрали с бешеной скоростью и в какой-то момент под очередной жалобный визг тормозов резко свернул с дороги. Хрустя гравием под колесами, погнал по неровному подъездному пути, обсаженному по бокам деревьями.

Темнело.

Тесно сгрудившиеся, перекошенные вязы образовали подобие тоннеля с морщинистыми сводами. Сквозь густые кроны я различила вдалеке плоскую гладь воды, бурую, как подлива, и откровенно непривлекательную. Озеро.

— Все равно уже приехали, — буркнул водитель. — Если так интересно, что видела, то, ради бога, высажу — иди сама, проверяй.

Я ничего не ответила, потому что в самом конце заросшего сорной травой пути стоял Ренхолл.

Н-да, не такого я ждала.

Воображение рисовало мне величественное имение из экранизации какого-нибудь романа Джейн Остин, сооруженное из бледного кремового камня, с большими окнами, которые перемигиваются на солнце бликами, и с ионическими колоннами по бокам от огромной парадной двери. Ведь это гнездо близнецов Рен, в конце-то концов. Тех самых, чьи родители — щедрейшие из спонсоров Грейскоттса, о чем я случайно узнала, в шутку указав на фамильное сходство Лотти и Себа со строгими портретами предков в фойе академии.

Однако Ренхолл словно выдернули из готического романа — невзрачное, обветшалое строение, оббитое плющом. Тут и там в совершенном беспорядке по стенам, покрытым серой гравийной штукатуркой, были разбросаны неприглядные окна. Торчали вверх под несимметричными углами несколько башенок: какие-то с зубцами, какие-то с черепичной кровлей. Дождевая вода каскадом стекала по крыше, почти полностью заросшей склизким мхом, изливаясь в разбитые водосточные желоба.

Гравийная дорожка была обставлена горшками и треснувшими вазами с пожухлыми цветами. Все, от упрямого стального неба и его темного отражения в широком озере до моего собственного лица в тонированном стекле машины, было серым.

Секунду-другую я подумывала, не попросить ли водителя отвезти меня обратно в аэропорт, но после пугающей перемены в его настроении, вкупе с эксцентричной манерой вождения, вариант покинуть машину в тот момент показался мне меньшим из двух зол.

Водитель нажал кнопку, открывая багажник.

— Приехали, короче.

— Не волнуйтесь, чемодан сама достану! — бодренько, в пассивно-агрессивной манере сказала я и бросила ему несколько купюр. Потом вылезла наружу и закрыла за собой дверцу.

Вытащив свой дешевенький пластиковый чемодан и опустив его колесиками на землю, я с силой захлопнула крышку багажника. Машина тут же сорвалась с места, взметнув из-под колес фонтан камушков и оставив меня одну у Ренхолла.

Подъездная дорожка почему-то тянулась не к фасаду дома, а огибала его сбоку, словно бы ее проложили в последний момент. Слева за деревянные ворота, закрыться которым не давали сорные травы, уходила тропинка. Она шла дальше узким проходом, окаймленная с одной стороны стенами дома, а с другой — высокой раскидистой зеленой изгородью. Испытывая странное чувство, будто за мной наблюдают, я покатила чемоданчик мимо темных окошек с ромбовидными стеклами, вставленных в стену под причудливыми углами, — с рам, словно пораженная лепрой, сползала краска, — пока наконец не оказалась у фасада.

Вниз, к крутому берегу, уходила и скрывалась в густых камышах неровная, заросшая усталой, пожухлой травой лужайка. Зловеще неподвижная водная гладь тянулась вдаль, обрамленная на противоположном берегу темным полумесяцем леса.

Надо же... Исккупаться так и тянуло.

Из-за камышей ближе к дому выглядывало несколько круглых белых предметов. Мне стало любопытно, и я подошла приглядеться.

Должно быть, в какой-то момент озеро вышло из берегов, вознамерившись вторгнуться на территорию дома, потому что из воды, подобно наступающей армии, торчали каменные статуи. Вдохновленные древнегреческим искусством — у парочки

не хватало голов, — они сплошь поросли скользкими водорослями. Я хотела улыбнуться этому зрелищу, но, если честно, атмосфера в целом производила скорее пугающий эффект.

С другой стороны, погода так и шептала... Я развернулась к дому, и в этот момент холодный ветер закрутил вокруг меня вихрь опавших листьев.

Я собралась с духом.

«Ну же, Мэг», — сказала я себе. Такой путь проделала. После самых одиноких летних каникул в моей жизни, за которыми последовали шесть нескончаемых недель отстранения от занятий, когда и без того тесные стены моей комнатухи с каждым днем давили все сильнее, мне выпала возможность снова влиться в священный ближний круг Лотти и, что, наверное, куда важнее, вернуться в Грейскоттс.

Я бросила последний взгляд на озеро, на застывшие, словно в ожидании чего-то, воды и развернулась к дому.

Каменная табличка над дверью любезно уведомляла о том, что дом был построен в 1768 году. Ого, и впрямь старинный. Попытка придать ему уютный вид вызвала особое уважение. Наверняка Лотти постаралась. По бокам от двери, под сенью шаткого черепичного козырька, расположились две огромные тыквы-фонарики, внутри которых весело трепетали язычки свечного пламени; компанию им составили экзотического вида кабачки в большой плетеной корзине. Рыжие гирлянды в обертке из тряпичных осенних листьев мерцали по периметру дверного проема, а в некоторых окнах на первом этаже в ярких цветных банках горели чайные свечи.

Окна верхних этажей взирали своими пустыми и темными глазами на озеро. Я прищурилась. Мне показалось там какое-то движение. Где все остальные? Я невольно вздрогнула.

«Соберись, Мэг! Тебя ждут».

Просто я промокла и замерзла, к тому же оказалась в чужой для себя стране, не в своей тарелке. Все снова будет классно,

когда я наконец увижусь с Лотти, присоединюсь к ней у ревущего пламени в камине, за чайком в фарфоровой чашечке: «Эрл Грей» с долькой лимона. Рены берут от жизни лучшее.

Дождь лупил по макушке жирными каплями, и я быстро пошла вокруг дома, мимо старых, липнувших к стенам оранжевых с мутными стеклами. На фоне сурового неба их черные каркасы напоминали скелеты. Наконец я нашла дверь — судя по всему, кухонную: старую и тяжелую, покрытую практичной, но шелушащейся синей краской. Посередине имелось окошко из небьющегося стекла, забранное сетчатой решеткой. Рядом с дверью, как и предупредила в последнем сообщении Лотти, стоял крупный вазон, заполненный противной дождевой водой вперемешку с сорняками. Я скривилась и приподняла его, щедро окатив бурой жидкостью свои новые «конверсы», и, бормоча ругательства, подобрала с земли ключ.

Выглядел он непримечательно. Обычный бронзовый ключ от цилиндрического замка, с пластиковым ярлычком «Кухня». Меня по-прежнему не отпускало чувство, что за мной следят, поэтому, перед тем как вставить ключ в замочную скважину, я украдкой огляделась.

Вошла я не сразу.

За дверью была огромная сумрачная кухня, где по углам густились тени. Наружу моментально вырвался резкий запах пыли, отчего засвербило в носу. Казалось, сюда уже десятки лет никто не входил.

— Ау? — позвала я, но мой голос тут же поглотила бескрайняя пустота.

Я неохотно переступила порог.

2

— Нет, Себ, клянусь тебе, я слышала кого-то...

Знакомый голос прозвучал приглашением, долетев из коридора за пределами кухни. Следом раздались шаги, и я облегченно опустила плечи.

— Мэг! Приехала! Обалдеть! Я уж думала, сюда еще сто лет никто не доберется.

Лотти вошла в кухню, вернее, как всегда, ворвалась ураганом. Ослепительным торнадо приторного дизайнерского парфюма, шелка и кудряшек. Она порывисто сгребла меня в объятия, а потом, отстранив на расстояние вытянутой руки, осмотрела с головы до ног своими синими глазами, такими большими на лице в форме сердца. Идеальном лице, собравшем больше ста одной тысячи фолловеров в инсте* (по последним подсчетам, как написала под фото своей недавней работы сама Лотти).

Я не сдержалась и улыбнулась в ответ, утирая щеки и яростно смаргивая слезы.

Эти долгие месяцы в разлуке стали для меня сущим наказанием.

* Деятельность продуктов компании Meta запрещена на территории РФ.

Меня тянуло к Лотти как магнитом с самого знакомства. К девчонкам из Грейскоттса — престижной частной школы искусств, на обучение в которой я чудом получила стипендию, — страшно было подходить. Сбросив форму, они надевали до того дорогую повседневную одежду, что просто кровь из глаз, или обвешивались тщательно отобранными винтажными сумками «Биркин», с которыми когда-то ходили их мамы.

Первый раз я увидела Лотти, когда она покидала кабинет директора, преследуемая бурной похвалой. Я сама в ожидании вводной лекции грызла ногти, пытаюсь широко распахнутыми глазами вобрать в себя окружавшую меня роскошь: необъятные просторы дорогого красного дерева, сверкающие окна с ромбовидными панелями и сплошные ковры винного цвета. Грейскоттс и построенная в семидесятые средняя школа в стиле брутализма, которую я только-только покинула, с ее выложенными серой плиткой и навечно пропитанными восхитительными ароматами пота и дешевой подливки коридорами, пребывали в разных вселенных. Заметив, как я таращусь по сторонам, Лотти игриво закатила глаза и с усмешкой на лице кивнула в сторону кабинета директора.

Во время первой нашей встречи я словно замерла в слепящем свете фар. Ее волосы ниспадали до поясницы буйными темными завитушками, а глаза на веснушчатом лице лучились голубизной. В море тщательно подправленных лиц она являла собой образец естественной красоты, если не считать жирной черной подводки.

— А, вот и она, — сказала директриса миссис Холмонд-ли, и ее глаза засияли. Это была крупная женщина, разменявшая четвертый десяток и вечно одетая так, что выглядела лет на двадцать старше: в аляповатые шелковые блузки и темно-синие лодочки, к тому же поливавшая пепельно-светлые волосы таким количеством лака, что они даже не колыхались. — Наш

новобранец. Мэг, знакомься, это Лотти. Наша грозная староста, она с радостью покажет тебе, что тут к чему. — И, повернувшись к Лотти, добавила: — Мэг приступает к учебе по художественной стипендии. Девочка — умница.

Я виновато улыбнулась, уже чувствуя себя неуютно из-за того, что стала для Лотти обузой, и удивилась открытой улыбке на ее лице. Лотти взяла меня за руку, и не успела я опомниться, как уже стояла в кругу ее друзей, словно этакий неказистый экспонат на выставке.

— Мэг у нас из Кэтфорда*, — чуть ли не с гордостью объявила Лотти. — То есть типа трушный южный лондонец.

Друзья Лотти, с их парусиновыми сумками, которые они урвали на нишевых арт-шоу, и в заношенных «найках», выглядели куда дружелюбнее большинства девчонок в школе. И, как вскоре выяснилось, сама Лотти была не только красива, безумно богата и талантлива, но еще и добра. Бывают же люди, в которых сочетается все прекрасное.

И сейчас при виде ее солнечной улыбки стало казаться, будто злополучного бала никогда не было. Не первый раз я пожалела, что это неправда.

— Да уж, добралась! Если честно, в небе чуть кирпичей не наложила. Это мой первый перелет.

— Кирпичей?! — снисходительно улыбнулась Лотти. — Ну даешь! Мы сами только приехали. Мама настаивала, чтобы мы сперва заглянули к ней на обед в Дублин. Ну, знаешь... Боже, сто лет тебя не видела!

Так и хотелось съязвить, мол, и правда, давненько, но я смолчала. Хотя все эти долгие месяцы постоянно просила ее встретиться и все обговорить, а она меня игнорировала.

«Да ладно, Мэг, чего ты ждала? Что бы она сделала?»

Задвинув на время эти мысли подальше, я огляделась.

* Район на юго-востоке Лондона.

Кухня была просторной, в деревенском стиле и куда затейливей, чем можно было бы предположить по внешнему виду дома: стены из грубого беленого камня, вдоль одной из них — огромная черная плита; пол выложен терракотовой плиткой, а у окна стоит неотесанный деревянный стол, заваленный пакетами. С низких стропил свисают пучки сушеных трав и блестящие медные кастрюли.

Лотти обернулась, и я, проследив за ее взглядом, увидела, как по коридору нагруженный покупками, мрачно поджав губы, бредет ее брат.

— Себ! — мелодично позвала Лотти. — Хватит дуться. Смотри, кто тут!

Он пригнулся под низкой притолокой, входя на кухню, и мое сердце мгновенно замерло, стоило нашим взглядам встретиться. Глаза у него были такие же, что и у сестры-близняшки, — только намного темнее — и посажены почти так же идеально.

— А, — протянул Себ, сразу же отведя взгляд. Мое сердце ухнуло вниз, словно оборвавшийся лифт. — Притащилась, значит? Ладно, Лотс выиграла спор, а то я говорил, что ты не приедешь.

Я выдавила улыбку. Что ж, не все, значит, мне рады, хотя я знала, чего ожидать. Поняла сразу, едва Лотти огласила весь список гостей. И я знала, что придется из кожи вон лезть, чтобы меня приняли, — просто некоторые вещи стоят усилий.

— С какой стати не приезжать? — коротко усмехнувшись, спросила я. — Халявная туса решает.

Себ хмуро улыбнулся, не разжимая губ.

— Верно.

Внутри все сжалось еще сильнее. Драгоценная жемчужина надежды, которую я лелеяла все это время — на то, что он будет втайне рад меня видеть, — рассыпалась в пыль. В следующую секунду он тяжеломерно хлопнул меня по плечу и сунул мне в руки несколько пакетов, содержимое каждого

из которых наверняка стоило больше всех вещей у меня в чемодане.

— Ну, раз уж ты здесь, то, думаю, не откажешься помочь? Отнесешь это наверх?

Лотти закатила глаза.

— Не тупи, Себ. Для этого есть Эймар. Боже, несчастная женщина извелась от безделья.

Не успела я и слова сказать, как Себ сердито вышел в сумрачный коридор, слегка пригнувшись, чтобы не удариться головой. Я так и осталась стоять, глядя ему вслед, — с пакетами и вся красная.

Некоторое время Лотти смотрела на меня с тревогой, а потом, быстро опомнившись, невесело рассмеялась.

— Ладно, давай сюда что-нибудь, подруга. Честное слово, иногда Себ — такой козел. Он точно знает, зачем ты приехала. По дороге я все ему рассказала.

Я прочистила горло, стараясь совладать с собой: надо сохранять спокойствие и собранность. Жаль, я забыла об этом тогда, на балу.

— Э-э, ну, спасибо.

— Все будет хорошо, — взяла меня за руку Лотти. — Вот увидишь. Все знают, как я хочу заново всех собрать. Сплотить, чтобы все стало по-прежнему. Начнем с чистого листа, как будто разрыва и не было. А теперь давай покажу тебе комнату и, самое главное, мастерскую.

* * *

Следом за Лотти я миновала несколько узких темных переходов, расписанных агрессивно крупными рыжими цветками. Потом мы оказались в очень просторной прихожей, где полированные черно-белые плиты пола блестели, словно дорожка шахматная доска. Над головами у нас покачивалась великолепная люстра, чей хрупкий блеск был приглушен слоем

пыли, а на верхние этажи вела внушительная винтовая лестница из полированного темного дерева. По обеим сторонам от ее подножья стояли две грубо вырезанные деревянные статуи: фигуры, опустившие скрытые капюшонами головы и сложившие ладони в молитве.

Посмотрев на меня, Лотти хихикнула:

— Жуть, да? В смысле, опоры. Так-то это святые. В здешних краях религия изю всех щелей прет.

Пока мы поднимались по ступням, я с восхищением разглядывала темные картины маслом в резных золоченых рамках. По большей части это были батальные марины с изображением беспокойного моря или портреты строгих людей, в чертах которых угадывалось отдаленное сходство с Себом. Несколько особенно крупных полотен были полностью скрыты черными накидками.

— А с этими что? — кивнула я на них. — Не для использования?

Лотти посмеялась.

— Зеркала. Эймар предпочитает держать их закрытыми. Какое-то старое ирландское суеверие. Уже и не помню, в чем дело. Эймар — это, кстати, наша экономка. Работает здесь так давно, что стала частью дома. Мне, по правде говоря, проще позволить ей страдать этой фигней. Но ты не переживай, в каждой комнате есть нормальное зеркало.

На втором этаже царил сумрак. И хотя часы показывали только начало пятого, настенные светильники уже горели. Шипящие лампы в круглых, похожих на пузыри плафонах испускали слабое рыжеватое свечение. Лотти мотнула головой, указывая на закрытую дверь справа, в самом начале коридора.

— Это главная ванная, но туда, если честно, соваться не стоит. С ней что-то не так... — Она помолчала, заметив смущение на моем лице. — Слив не работает, — уточнила затем. — Воняет болотом. В доме полно других туалетов.

Мы миновали еще несколько одинаковых закрытых дверей, и наконец Лотти распахнула передо мной последнюю:

— А вот и твоя! Прости, что полотенца пересушены. Они реально жесткие, как доска. Веришь, нет, но в доме нет барабанной сушилки.

Я оглядела комнату. Старинная, мне она показалась просто огромной, площадью со всю мою квартиру. Внутри стояла дорогая, натурально винтажная мебель с позолоченными рамками и ножками в виде львиных лап, а еще — широченная кровать под пыльным гобеленовым балдахином, при виде которого я только порадовалась, что прихватила таблетки от аллергии. У одной из стен примостилась нелепая колченогая парта, над которой висела доска для записок, местами выгоревшая на солнце. Обои с изображением плюшевых мишек с пустыми улыбками на мордочках слегка нагоняли жути, но уж пару-то дней, решила я, потерпеть можно.

— Открою маленькую тайну, — сказала Лотти. — Когда мы в детстве приезжали сюда, тут жил Себ.

Стремно, реально стремно, но раз уж я гостила тут на халаву, то жаловаться не приходилось. Я внесла в комнату чемодан.

— Ну вы и мажоры.

Лотти скорчила гримасу.

— Ой, да ладно тебе, Мэг. Какое мажорство? Папа, кстати, не хочет больше тратить на этот дом. Тут уже много лет никто не живет. Вообще, печально, но когда-нибудь имение перейдет ко мне, и уж тогда я развернусь... Буду устраивать творческие ретриты. Слушай, я же тебе еще самое классное не показала. Идем.

Она повела меня еще выше по очень крутой и жуткой лестнице, которая скрывалась за дверью дальше по коридору. Когда же мы наконец поднялись, то я не сдержалась и ахнула. Так вот куда вбухивались деньги. Казалось, все комнаты наверху

объединили в один большой опенспейс; одну из стен занимали блестящие застекленные стеллажи, забитые первоклассными красками, холстами, мольбертами, а самый центр отвели под дорожную стойку-остров с мраморной столешницей. Прямо напротив нее выстроился строгий ряд окон с видом на озеро и лес.

— Круто же? Намного лучше того, что у меня дома. Следующим летом подумываю заехать сюда и организовать небольшую коммуну. Ты как, в деле? — Лотти кивнула на окна, по которым суетливыми ручейками сбегала дождевая вода, и наморщила нос. — Лишь бы погода не подвела.

Я с изумлением оглядывала мастерскую и вид за окном.

— Черт возьми, Лотс, это же просто шикарно.

Она указала на закрытые двери в дальнем конце помещения:

— А вон там — ванная и комната Себа. Ну ладно, я пойду, а ты разбирай вещи. Как будешь готова, спускайся. Себ нашел на кухне виски, и на часах, как говорит наш папа, самое время выпить. Будем наверстывать.

3

Когда шаги Лотти стихли на лестнице, я метнулась обратно в свою комнату разбирать вещи. На доске над столом висела, приколотая, потрепанная открытка. На ней было изображено озеро, только в свои лучшие дни: приветливая, сверкающая синева в свете августовского солнца. Над картинкой крупными жирными буквами тянулась надпись: «Давай сюда — вода божественна!» Наверное, это место было базой отдыха? Конечно, великим знатоком курортов меня не назовешь, но мне с трудом верилось, что даже в разгар лета люди поедут сюда отдыхать за деньги.

В ящиках комода было пусто, если не считать мертвого паука, так что я рассовала по ним свои вещи. Костюм для Хеллоуина, запакованный в чехол, аккуратно повесила на дверцу шкафа.

Потом сама не заметила, как вернулась к окну. Вид открылся что надо. Уж всяко лучше, чем каждый день на протяжении трех месяцев таращиться на грязно-белую штукатурку соседской стены. Темная гуща леса на том берегу озера казалась бесконечной, а из-за низкого тумана деревья будто сливались с небом. И в самом сердце этой чащи, подобно зачарованному логову какого-нибудь мага, торчала высокая каменная башня. Я сделала пометку в уме: спросить о ней Лотти.

Прежде чем спуститься вниз, я решила еще раз заглянуть в мастерскую. Лотти мельком упоминала о ней в разговоре на прошлой неделе, вот я и прихватила краски — на случай, если снизойдет вдохновение. Вот уже несколько месяцев как не получалось ничего изобразить: всякая искра творчества гасилась темным, неотступным чувством вины.

Бегом поднявшись по лестнице, я тихонько притворила за собой дверь и еще раз жадно всмотрелась в просторный интерьер. Тут было много места и света, а обстановка напоминала переделанный двойной гараж, который Лотти использовала в качестве мастерской в Лондоне. В одном углу стоял большой мольберт, накрытый полотном. Мне стало любопытно, что это такое тут пишет Лотти, и я, приподняв уголок ткани, заглянула под нее.

Лотти уже и так блистала на художественных подмостках Англии, ее работы появлялись в модных арт-зинах и на сайтах. Можно было сколько угодно фыркать, мол, все благодаря связям, а вот ее талант отрицать — нельзя. Для ее стиля были характерны буйные взрывы ярких красок, как у какого-нибудь Ротко* в приступе маниакальной радости, расписывающего гигантские холсты веселыми и дерзкими мазками. Но это... Ни разу не видела, чтобы Лотти писала нечто подобное.

На первый взгляд, холст был покрыт только завитками земляных оттенков. Перемежающимися слизисто-зелеными и туманными, мутно-серыми полосами, совершенно несвойственными ее обычным смелым решениям. Палитру явно подбирали так, чтобы отразить пейзаж за окном. По большей части работа казалась абстрактной, но, присмотревшись, я разобрала мелкие детали. На заднем плане, выведенный черным, виднелся

* Марк Ротко (наст. имя — Маркус Роткович; 1903–1970) — американский живописец латвийского происхождения, работал в направлении абстрактного импрессионизма.

Ренхолл, бесформенная коробка, четко различимая на фоне хмурого неба. Чуть ниже мшистые, желто-зеленые, цвета земли сливались с помойно-бурыми водами озера.

На переднем плане — как я сразу не заметила? — была избражена женщина, вполоборота к наблюдателю. Кожа — бледно-серая, того же оттенка, что и небо. Волосы странного черно-зеленого цвета, напоминающего влажные морские водоросли, падали на спину мокрыми тонкими локонами. Глаза — большие и черные, полные скорби, как два бездонных колодца.

Я даже не поняла, что испытываю при виде нее: страх или сочувствие.

В отличие от привычных работ Лотти, смелых и энергичных, эта была выполнена в мягкой манере и напоминала сонные грезы, хотя определение «кошмарные» подошло бы лучше. И в свете этого меня посетило странное ощущение дежавю. Чувство, будто я уже видела эту женщину прежде...

— Чисто жуть, скажи?

Я подскочила на месте и ахнула, виновато оборачиваясь.

В дверях, привалившись плечом к косяку и скрестив на груди руки, стоял Себастьян. Он смотрел прямо на картину.

— Я и так-то не фанат ее работ, но в этот раз она превзошла саму себя.

И хотя в глубине души я была согласна — вряд ли бы нашелся кто-то, желающий повесить такое у себя в доме, — но все же ощутила укол праведного негодования за подругу.

— Типа сам лучше сможешь, — бросила я.

Себ так и смотрел на картину.

— Дай трехлетнему ребенку коробку мелков, он и то изобразит нечто попривлекательней. Мэг... зачем ты приехала?

Удивленная такой прямоотой, я даже моргнула. Себ по-прежнему не смотрел на меня, и я, немного помявшись, ответила:

— Лотти позвала... очевидно же. Она сказала... сказала, что все с тобой обговорила, и... — Я замолчала на полуслове.

Мне нелегко было видеть Себа, хотя я знала, что так оно и будет. Когда я заговорила, он наконец перевел взгляд на меня — его полные губы изогнулись в подобии усмешки, а в темных глазах загорелся огонек презрения, хотя поза оставалась расслабленной.

— Это я знаю. Спрашиваю: какого черта ты согласилась?

Вообще-то я была готова, что Себастьян не будет рад моему появлению — в конце концов, он все три месяца вел себя так, словно меня на этом свете уже и нет, — просто не ждала столь открытой враждебности.

— Сам знаешь. Я столько раз пыталась тебе сказать. Хочу... хочу извиниться, все исправить и...

«Вернуться в Грейскоттс, потому что от этого зависит мое будущее».

Вот она, эгоистичная правда, признаться в которой я не могла.

Себ вошел в комнату, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я инстинктивно попятилась.

— Правда, что ли? — спросил он. — Ты серьезно хочешь этого? На меня ты впечатление совестливого человека никогда не производила. — Его голос звучал низко, почти угрожающе. — Может, в этом часть твоего очарования? Мало того, что приедет Лори, так еще и ты приперлась. Впрочем, надо отдать тебе должное: характер есть. Если бы я знал заранее... Лотти сообщила мне обо всем за пять минут до того, как мы приехали в этот чертов дом. Так вот, знай я обо всем заранее, ни за что бы...

— Так мне уехать? — перебила я, беря его на слабо.

— Да, — с поразительной готовностью и откровенным облегчением ответил Себ. Мне словно полоснули ножом по сердцу. — Эта поездка и так грозила стать наказанием, а тут еще вы обе подорвались. Как будто мало нам досталось в последнее время. Слушай, я буду только счастлив устроить твой отъезд:

подобрать рейс, вызвать такси, даже номер в гостинице забронировать, если придется долго ждать вылета...

— Черт, Себ... — искренне поразила я.

Дура, позволила себе надеяться, что мое присутствие разбередит в нем хоть какие-то чувства, что вскроется веская причина, почему он за последние несколько месяцев совершенно со мной не общался, и что он, наконец, почувствует то же, что переживала я все это время: будто из книги моей жизни выдрали несколько страниц, оставив рваные, кровоточащие клочки. В его темных глазах читалось только раздражение, и это было как удар ниже пояса.

— Н-не думала, что это такая проблема... — забормотала я, чувствуя, как подступают слезы.

«Не вздумай тут расклеиться, Мэг. Соберись».

Внизу хлопнула дверь, раздались громкие приветствия. Себ виновато обернулся в сторону лестницы, а потом сделал еще шаг мне навстречу. На этот раз я не попятилась.

Меня, словно дурманящее облако, окутал его запах — дорогой парфюм с древесными нотками. Себ смотрел пронзительно, и я не смела пошевелиться. Этот необыкновенный оттенок его глаз, индиго, полуночная синева или...

— Нет... Ты прекрасно знала, что это будет проблемой, — произнес он, водя пылающим взглядом по моему лицу. — Думаю, отчасти поэтому и приехала. — Он взял меня за руку, и я вздрогнула от прикосновения его теплой и мягкой ладони. — Улетай. Я прямо сейчас вызову тебе такси.

Свободной рукой он полез в карман. Я уставилась на его телефон, чувствуя, как пересохло в горле. Вспоминая, как молилась, чтобы он взял трубку, как слала ему сообщения, которые он даже не читал. Потом взглядом скользнула по его губам, особенно по нижней, вызывающе полной. Он будто бы заметил это и крепче стиснул мое запястье, задышал чаще. Выждав еще какое-то время, я снова заговорила.

— Никуда я не поеду, — медленно и отчетливо отчеканила я, а потом высвободилась и слегка толкнула Себа в грудь. — Можешь не верить, но... дело не в тебе, Себ, а во мне. И если мое присутствие здесь для тебя проблема, то, что ж... сам кашу заварил, теперь расхлебывай.

Он посмотрел на меня со злобой. Приоткрыл рот, собираясь ответить, но промолчал и развернулся. С лестницы донеслись его сердитые шаги.

4

С чувством самодовольного торжества я следом за Себом покинула мастерскую, спустилась по лестнице и пошла на звук голосов.

— Ага, вот и они! — прокричал Олли децибел на пятнадцать громче нужного. Как обычно. Коренастый, одетый в рубашку поло, он стоял, привалившись к стене. — Уже шастаешь по темным уголкам. Черт возьми, Себ, ты клювом-то не щелкай.

Себастьян молча бросил на него взгляд, которым можно было бы лошадь свалить.

— Боже, забейте на него, — протянула брюнетка рядом с Олли, миниатюрная и темноглазая. На ней были красивые шелковые брюки с принтом и тонкий топ на бретельках, а гладкие черные волосы струились по плечам. — Угадайте, кто по полной оторвался в дьютике?

Оливер Четвин и Сайра Рани, золотая пара Грейскоттса — если, конечно, забыть о привычке Олли надираться посреди дня и о его склонности к мошенничеству. Когда я только познакомилась с ними, то никак не могла взять в толк, что такого Сайра — невероятно умная и к тому же просто сногшибательная — в нем нашла, пока не увидела фотки его дома. Семья Оливера была из олд-мани, и, даже судя по тем обрывкам инфы, которые мне все же попались, вечеринка в честь Хеллоуина в их

родовом замке где-нибудь в сельском Бакингемшире выглядела более чем заманчивой перспективой.

— Ну что, устроишь нам рум-тур, Лотс? — спросил Олли.

Я постаралась держаться в стороне, больше не считая никого из новоприбывших близкими друзьями, особенно Олли, чья прямота стала уже легендарной.

— Давай сперва выпить принесу, — ответила Лотти, с лица которой не сходила знакомая умиротворенная улыбка, говорившая, что все будет хорошо. Лотти явно наслаждалась ролью хозяйки.

Сайра посмотрела на меня, и я приготовилась к худшему. Однако вместо холодной жестокости заметила в ее взгляде нервный блеск.

— Мэг, — скованно произнесла Сайра. — Сто лет, сто зим.

Я с облегчением пробормотала что-то в знак согласия, а Олли в это время бросил на меня беглый коварный взгляд. Здороваться, правда, не стал, словно я не стоила внимания.

— Лори еще не приехала? — нарочито поинтересовался он.

При одном упоминании этого имени мне обожгло щеки и в каждый нерв тела словно вонзили иглы. Я страшилась прибытия Лори, ее буйной гривы рыжих волос, фальшивого высокого смеха, звучавшего в ответ на любое слово Себастьяна, постоянных и подчеркнутых упоминаний того, чего я себе позволить не могла, наигранно невинных вопросиков, которыми она безжалостно меня бомбардировала.

— Нет, пока еще нет, — ответила Лотти. Она сняла с плиты старинный кофейник, разлила напиток по крохотным зеленым чашечкам ручной работы и добавила в каждую по капельке виски. — Думаю, она приедет с Чарли и Джосс, а они должны быть здесь уже скоро.

— Лотти записала нас в добровольцы для подвоза продуктов к завтрашней тусе, — объявил Себ, опрокинув в себя кофе. — Такси едет. Мэг, может, ты с нами, а потом — дальше в аэропорт?

Лотти тут же устремила на меня серьезный взгляд:

— Что? Мэг никуда не поедет, так ведь, Мэг? У нее нет причин передумать, Себ.

Я улыбнулась ей, а Себ только посмотрел на меня молча и сердито.

В прошлом сентябре, когда я, сплошной комок страха и неуверенности, только вошла в высоченные двери Грейскоттса, Лотти мигом взяла меня под крыло и навязала своим друзьям.

Вообще, о стипендии я узнала от мамы, а она удивилась моему нежеланию подавать заявление. Загоревшись поначалу, она моментально смутилась, когда я не запрыгала от радости.

«Я-то думала, ты будешь на седьмом небе. Ну сама поразмысли. Уровень преподавания, связи, которыми там обзаведешься... Они, черт возьми, лауреаты главной премии в области искусств! Где они, а где вшивый политех, который тебе светит!»

Вот только я уже не раз проходила мимо Грейскоттса. Видела блестящие машины, которые почти бесшумно, тихо урча моторами, подъезжали к воротам; сверкающие улыбки и небольшие, едва заметные следы косметических вмешательств на лицах учеников. В академии, конечно, была принята строгая традиционная форма: черные блейзеры, галстуки и все в таком духе, — однако это не мешало ученикам носить кроссовки «Гуччи» или балетки «Шанель».

Когда мистер Селмстон, преподаватель живописи в прежней школе, горячо поддержал мою заявку на поступление в старшие классы Грейскоттса — без сомнения, ухватился за шанс сбавить проблемную подопечную после одного «инцидента», связанного с его шаловливыми руками и банкой черной краски, — я сама удивилась, как быстро меня пригласили на собеседование. Не прошло недели, как я уже сидела перед

директрисой, у которой с шеи свисали оправленные в серебро жемчужины, а на худом и сморщенном запястье болтались изящно подогнанные часы «Ролекс».

— Тебе следует понимать, что финансовое положение твоей семьи не имеет для нас значения, — улыбнулась она ровными белыми зубами. — Как и твое прошлое. У нас в Грейскоттсе верят, что каждый имеет право начать жизнь с чистого листа. Здесь ты станешь «чистой доской», *tabula rasa*, как говорится. Нам интересен непосредственно талант наших учеников, их потенциал и пути самореализации. — Она снова улыбнулась, посмотрев на меня пустыми, черными, как у акулы, глазами. — Понимаешь, мы хотим видеть, на что ты способна.

И вот когда спустя неделю на коврик под дверью шлепнулось письмо, у меня задрожали руки — от возбуждения и от страха одновременно. Внутренний голос, настойчиво твердивший, что я недостаточно хороша, зазвучал как никогда громко.

Однако стоило мне познакомиться с Лотти, как она стала одержима мыслью доказать мою неправоту.

Ну ладно, я не дурочка; в ее дружелюбии проглядывала толика благотворительности. Лотти отчаянно создавала образ девчонки в тренде: не упускала случая упомянуть, что носит только старье или находки из благотворительных магазинов для поддержания экологического баланса (я быстро просекла, что это по большей части винтажные «Вествуд» или «Маккуин»), дополненные стоптанной парой «диэмов». Она была из олдскульных богачей, которые втайне посмеиваются над теми, кто выпячивает свой достаток. По выходным Лотти все время предлагала встретиться в наименее облагороженных районах Лондона, таская нас по поп-ап выставкам уличного искусства или поэтическим чтениям в злачных пабах Ист-Энда.

Я знала, что ее друзья относятся ко мне настороженно — с подозрением, как к невзрачному кукушонку в гнезде, — но откровенной враждебности они не проявляли.

Пока я не перешла дорогу Лори Уэстридж.

— Ты будешь без ума от Лори, — говорила Лотти, ведя меня за руку в миниатюрную кофейню в Уимблдон-Виллидж*, через пару недель после того, как я приступила к обучению. — Лори любят буквально все. Она типа мама-наседка нашей тусовки. Ну, знаешь, развозит всех по домам после попок и держит за волосы, пока мы блюем в туалете... Такая вот она.

Поначалу Лори и правда мне нравилась. Она эффектно опоздала, нагруженная пакетами с покупками. В ней чувствовались порывистость и открытость, из-за которых я решила, что мы с ней немного похожи. Ее акцент был не такой прилизанный, как у других, зубы — чуточку слишком белые, смех — чуточку слишком громкий, логотипы на вещах — всегда слишком заметные. А еще она была смешная.

— Привет, Стипуха! — пошутила она, подходя к нашему столику с кусками пирога на блюдах. — Боже, мы все так рады, что подружились с тобой, ты не представляешь! Обожаем нормальных людей. Черт, мне на прошлой неделе на химии пришлось работать в паре с Вайлет фон Берндт. А она вся такая из себя, типа немецкое графье. Я со скуки чуть вены себе не вскрыла.

В самом начале мы с Лори прекрасно ладили. С ней почему-то было проще и естественней, чем с Лотти, на которую даже спустя пару недель нашей дружбы я по-прежнему смотрела с благоговением. Лори происходила из семьи нуворишей, шутила открыто, и ее никогда не приняли бы полностью

* Пригород Лондона, сочетающий в себе, с одной стороны, прелести традиционной британской деревни, а с другой — городские блага вроде модных магазинов и заведений общепита.

люди вроде Олли и Лотти. Своей непосредственностью она и брала. А еще тем, как спускала Лотти на землю, отвечая на ее претенциозность добродушными шпильками. Разумеется, она с обезоруживающей простотой хотела знать, как это кто-то вроде меня попал в Грейскоттс, но сперва меня это не корбило. Я ведь почти ничего не скрывала.

Зато потом появился Себастьян — и все пошло прахом.

5

— Ну, есть еще добровольцы поехать в... как ты сказала? — спросил сестру Себ; сейчас, на людях, он снова излучал добродушие.

— Нокхейвен. Едут, кстати, все, — ответила Лотти. — Нам с Эймар пора надраивать это место, готовиться к завтрашней вечеринке.

— Самайн, — протянул Олли. — Ты серьезно? Обычный Хеллоуин — слишком просто? Ты как всегда, Лотс, сама претенциозность.

— Вообще-то традиционность, — отрезала Лотти. — И правильнее, кстати, не Самайн, а Соуэн. Господи, расширяйте кругозор, а? В эту ночь граница между миром живых и миром мертвых...

— Бла-бла-бла, — перебил Олли. — Еще один повод нажраться, вот и все.

Он был прав. О вечеринках Лотти и Себа, поражавших амбициями и размахом, в Грейскоттсе ходили легенды. В прошлый раз близнецы воспроизвели «Бёрнинг мэн»* у себя на участке

* Ежегодный фестиваль радикального самовыражения, проходящий в конце августа в американской пустыне Блэк-Рок. Завершается сожжением гигантской фигуры человека.

за домом, уговорив предков устроить бесплатный бар под открытым небом в фургончике фольксваген. Все пошло слегка наперекосяк, когда кому-то из приятелей Олли взбрело в голову ради большей аутентичности подпалить соседские тюки сена. Ночка выдалась запоминающаяся, и грядущей вечеринке слегка недоставало той же безуминки. Учитывая, что список гостей включал всего восемь имен.

— Ладно, что нам нужно? — спросила, беря ручку, Сайра, сама организованность.

— Э-э, да что угодно, — пожала плечами Лотти. — Спиртное, я думаю. Крафтовые чипсы, соус, пицца и побольше колы.

Снаружи раздался резкий гудок клаксона, известивший о том, что такси уже здесь.

Олли прыгнул на переднее сиденье, как всегда готовый заболтать кого угодно. Хорошо еще, что ехать предстояло всего четверть часа, в течение которых я старалась держаться как можно дальше от стройного Себа, рассеянно глядя в окно на проносящиеся мимо тусклые бурые поля и одинокие фермерские домики.

Наконец такси остановилось на пустынной парковке перед большим гипермаркетом. Себ указал на серое здание с плоской крышей:

— Нам туда.

Внутри мы разделились: Себ и Олли взяли тележку под алкоголь, а мы с Сайрой отправились искать все остальное. Я притормозила у стеллажа с яркими украшениями для Хеллоуина, но Сайра твердо покачала головой:

— Даже не думай. У Лотти свое представление о декоре. Вообрази ее мину, когда вернемся с кучей этого пластикового дерьма из супермаркета. Сразу получишь приглас на ее четырехчасовую TED-лекцию о гибели океанов.

Я улыбнулась. Сайра, безусловно, была права.

— Ну да... значит, снеки.

Мы пошли вдоль рядов, складывая в тележку «Доритос» и сырные палочки.

— Итак, — уже осторожнее продолжила Сайра, — Лотти говорит, что ты готова устроить масштабное покаяние за случившееся на летнем балу. Благородно с твоей стороны.

От кого угодно другого это прозвучало бы как сарказм, но Сайра была до неприличия серьезна.

— Думаешь? — спросила я, взглянув на нее.

Она кивнула, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Остальным-то, может, и пофиг, однако я знаю, какой бывает Лори. Я ее люблю, но иногда она последняя стерва. В тот вечер я чуть не ликовала, узнав, как... ты ее... ну, это... В смысле, когда стало ясно, что с ней все хорошо.

Я попыталась улыбнуться, но осколки воспоминаний, вызванных словами Сайры, все еще кололи слишком больно, и мне стало не до вежливого смеха.

— Мне и правда жаль. — Я невольно покраснела, впервые вслух признав свой проступок. — Нет, ну глупо же вышло. Просто... скоро состоится слушание о моем отстранении, и если Лори и ее предки продолжают топить за мое исключение, то... В общем, не представляю, как все может сложиться в мою пользу. Если получится поговорить с ней, как следует объяснить, попросить прощения, то, может, у меня будет шанс остаться.

Сайра со смехом бросила в тележку овощи:

— А, тогда понятно, что именно тебя беспокоит. Хитро. Уважаю.

Я слегка нахмурилась. Теперь собственные слова казались мне какими-то неправильными. И пока я раздумывала, не стоит ли пояснить подробнее, Сайра уже пошла дальше.

— Ну, как думаешь, что нам еще пригодится? Сырная тарелка? Кто не любит сыр?